

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК: 398.1, 398.2

Б.-Х. Б. Цыбикова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Особенности бытования легенд и преданий бурят Внутренней Монголии

В статье обобщен новый полевой материал по несказочной прозе шэнэхэнских бурят, собранный в период экспедиционных исследований в Автономном районе Внутренняя Монголия Китая. Основное содержание исследования составляет анализ тематического разнообразия, сюжетной структуры легенд, преданий, устных рассказов бурят, проживающих в иноэтническом окружении. Наряду с уточнением характерных, типических для общепурятской традиции черт, в статье значительное внимание уделяется выявлению специфических особенностей устной поэзии бурят Внутренней Монголии. На основе характеристики записанных текстов бурятских легенд, преданий, устных рассказов автор приходит к выводу о живом бытовании традиционных жанров фольклора бурят в современных условиях.

Ключевые слова: легенды, предания, устные рассказы, буряты Внутренней Монголии КНР, традиция, сюжеты, особенности бытования.

Участниками экспедиционных работ в Хулун-Буирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия КНР (2011, 2012, 2014 гг.), где компактно проживают буряты, были зафиксированы аутентичные тексты по всем жанрам фольклора: героический эпос, сказки, песни, малые жанры (загадки, пословицы, благопожелания). Представительный объем нового материала собран по легендам, преданиям, устным рассказам бурят Внутренней Монголии Китая или, как их еще называют, шэнэхэнских бурят, по названию местности Шэнэхэн, куда прибыли первые перекочевщики с бурятской стороны. Наряду с политическим подтекстом переселения отдельных групп бурят на новые земли существенную роль сыграл выбор лучших земельных угодий для благополучия скота. Это подтверждает большинство наших информантов из Хулун-Буира: *зөөдлөөрөө ябһаар лэ, нютаглажа ябһаар лэ байтарнай, тэрэ хаагдашаһан* «...пока перекочевывали, меняя места обитания, закрылась [граница]» [Цыбикова, 2016, с. 11]. Такого же мнения придерживается исследователь вопросов эмиграции бурят за пределы исторической родины Д.Ц. Бороноева, которая пишет: «Специфика миграции бурят в район Хулун-Буйра заключается в том, что это было не хаотичное и случайное переселение», основная причина заключалась в «выборе территории, благоприятной для ведения кочевого пастбищного скотоводства» [2011, с. 258].

Как нам кажется, нельзя не принимать во внимание актуализацию бурятских преданий о земле обетованной в начале XX в., когда исторически возникли «угрозы вытеснения» кочевников «с родовых земель, связанные с земельной и административной реформами 1900–1901 гг.» [Бороноева, 2000, с. 16]. В фольклоре бурят бытуют предания, согласно которым им уготован переезд на территорию

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Сахьяновой, д. 6, г. Улан-Удэ, 670047, Республика Бурятия, Российская Федерация. E-mail: imbt@imbt.ru; тел.: 8-(3012)-43-35-51.

монгольского мира в три этапа. К примеру, одна из них гласит: *Монгол зөөхэт: түрүүн зөөхэн хүн хормойгоо отолуулха; һүүлдэ зөөхэн хүн сабдагта хорлуулха; дундуур зөөгөө хаа, аян харгытай, һайн ябаха* 'Будете перекочевывать в Монголию: те люди, которые переедут первыми, [тем] отрежут подолы [дэгэлов-халатов]; переехавшие позже пострадают от враждебности/агрессивности сабдаков [местных духов]; если переехать не первыми и не последними, то дорога будет удачной, всё будет хорошо' («Молон багшын зарлиг = Предсказание Молон багша (учителя)»¹). Подобные предания о кочевании, глубоко укоренившиеся в массовом сознании народа, сыграли не последнюю роль в этнокультурном самоопределении и умонастроении определенной группы бурятского населения в период политической нестабильности и смуты в начале прошлого века.

Если учесть, что «...фольклорные формы существуют и воспроизводятся до той поры, пока они актуальны» [Адоньева, 2004, с. 24], то наиболее актуально и востребовано, наряду с песенной формой, исполнение шэнэхэнскими бурятами легенд, преданий, устных рассказов. Современное бытование этих жанров устной прозы демонстрирует жизнь фольклорной традиции в условиях иной социокультурной реальности. Выяснению содержательных и формальных констант несказочной прозы шэнэхэнских бурят будет уделено основное внимание в статье.

Полевые записи, сделанные в Хулун-Буире, показывают, что в основном характерно бытование в данной этнической группе бурят легенд и преданий, в которых сохранилась живая память, прежде всего, об общемонгольской, общепурятской истории. Это передающиеся из уст в уста циклы повествований о национальных героях – лучших предводителях рода, баторах, заметных фигурах из народной массы. Широко бытуют предания о Бабжа баторе, Бальжан хатан, Шэлдээ Занги², не забыты мотивы о почитаемых бурятами горах Алханай и Бархан, острове Ольхон, существуют и донныне мифологические сюжеты о богине Лхамо.

Представляется весьма оригинальной версия предания о Бальжан хатан, записанная от Жамбалай Даримы, 1943 г. рождения, род доргогшо галзуд. Это предание является отзвуком «Повести о Бальжан хатан» – первого письменного памятника бурятской художественной литературы на старомонгольской письменности, в котором преломились определенные исторические события монгольского периода хори-бурят. Так же как и в повести на старомонгольском языке, в предании о Бальжан хатан основным лейтмотивом послужили «чувство страха и внутреннее страдание, поиски выхода, порождаемые противоречиями общественных отношений периода распада монгольской империи и личной драмы героини» [Буряты, 2004, с. 514]. Вместе с тем устный шэнэхэнский вариант примечателен еще и тем, что в сюжете доминирующее место занимает мотив о невыполнении бурятами просьбы ламы изготовить статуэтку бурхана Жалсарай, который усиливает социальный контекст повествования. Как рассказывает Ж. Дарима, Бубэй Бэйлэ хан (свекор Бальжан хатан), заказав мастеру фигурку божества, не стал дожидаться окончания работы и забрал ее в недоделанном виде по причине того, что он и его люди устали ждать. Разбив статуэтку на части, он раздал фрагменты своим подданным, а те стали носить их на шее. По мнению Ж. Даримы, из-за того, что не исполнили в полном объеме веление ламы сделать изображение Жалсарая, буряты обречены на страдания.

В буддийском пантеоне бог под именем Жалсарай не обнаружен, не исключено, что наша информантка оговорила. Тибетологи считают, что по символическому значению, возможно, он восходит к Авалокитешваре (по-бурятски Арьяа Баала). Авалокитешвара – «один из главных бодхисатв в буддийской мифологии махаяны и ваджраяны, олицетворение сострадания» [Мифы народов мира, 1980, с. 23]. Вследствие этого, как утверждает Ж. Дарима, единый этнос распался на части. Вот ее мнение: *Энэ бурханаа бүтэн бүтээлгөөд зүүхэн хаа, бултын абаад ябаһан хаа, бүхэли бүтэн ябажа болхо байһан байгаа магадгүйбди гэжэ минии нэгэ сэдхэлдэ хатаһан ушар байна. Таһаржа, бутаржа, үгыржэ, хоһоржэ, үниэржэ, хэнээржэ юртэмсөөр ябнал ха юмбиди даа. Тишхэдэ энэ ушарһаа тишмэ нэгэ түүхэ байгаа юм бэшэ юм гү даа. Тишгээд энээнһээ нэгэ буруу тээшээ номтой, шигээжэ хахад бүхэли болжэ эбдэржэ, хандаржа ябна ха юмбиди дээ гэжэ ханаандамни нэгэ хатаһан ушар* 'Если бы полностью изготовили того бурхана, если бы взяли целиком, возможно, мы бы были едиными, полноценными, такая мысль глубоко сидит в моей душе. Мы, обездоленные, по всей земле разбрелись, оторвавшись, рассыпавшись, обеднев, обнищав, осиротев. Возможно, по этой причине вот такая история была тогда сложена. Вот причина того, почему так сильно запала в мою душу такая

¹ «Молон багшын зарлиг» (= «Предсказание Молон багша (учителя)»). Зап. Г.О. Туденов в 1957 г. от Гунзэмы Дэмбыловой в с. Исинга Еравнинского р-на Бурятской АССР. Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, инв. № 1829/г.

² Несмотря на то, что нами в период работы экспедиции и не были зафиксированы сюжеты об известном народном герое Шэлдээ Занги, следует отметить, что они находятся в активном фольклорном запасе бурят Внутренней Монголии, о чем пишет Сэмжэд Санжа-Ешын, представительница шэнэхэнской диаспоры в Бурятии [Санжаа-Ешын, 2013, с. 99].

мысль, [потому что] из-за этого у нас такая неправильная судьба, из-за этого мы разделены на части и живем, расколовшись' [Цыбикова, 2016, с. 8].

Примечательно, что наша информантка не просто рассказывает одну из версий предания о Бальжан хатан, но еще и анализирует эту историю, дает свою оценку, делает свое умозаключение о причинах разъединения бурят. Здесь, на наш взгляд, ярко проявляется глубокое чувство горечи, которое испытывают те, кто по воле судьбы оказался в изоляции, за пределами родных кочевий. Справедливо пишет Б.В. Базаров: «Только время поможет нам понять глубину национальной трагедии России, наверное, прежде всего, выразившейся в состоянии этих людей, вынужденных вопреки злему року противостоять ему собственной волей, выдержкой и даже отвагой. Это удивительнейшая амальгама самых противоречивых чувств. Большинству из покинувших страну не за что любить новый государственный строй, который даже не благословил их на далекое путешествие, обрекал на положение изгоев, которым еще далеко не всегда удавалось найти пристанище в незнакомых и не всегда приветливых краях. И вместе с тем навсегда осталась боль утраченной Родины, смешанное чувство несправедливости, рока и жестокой предопределенности судьбы» [2001, с. 10].

С именем легендарной Бальжан хатан связано еще одно самобытное предание, записанное от талантливой сказительницы Ж. Сэбээн-Долгор, 1939 г. рождения, род бохай хуасай, которая дает дружную, не менее оригинальную трактовку причины того, почему буряты оказались разбросанными по разным территориям. В ее повествовании говорится о том, что на сопровождающий Бальжан хатан свадебный поезд было нападение, и началась война, отчего люди стали разбегаться. Это случилось, по словам исполнительницы, в местности Барун хушун (т.е. на территории Внутренней Монголии. – Б.-Х. Ц.). В результате те, кого Бальжан хатан взяла с собой на север, ушедшие *бурууша* 'другим путем', стали бурятами. А те, кто остались здесь сторожить *алта эмээл* 'золотое седло' Бальжан хатан, – это люди, живущие в Зун, Барун хушунах. Отдельная группа ушла в Халху. Таким образом, считает Ж. Сэбээн-Долгор, буряты распались на три части. Этот мотив разъединения бурят довольно широко распространен в устном народном творчестве бурят, в данном же тексте события приурочены к местам нынешнего проживания шэнэхэнских бурят.

В предании, связанном с именем другого известного персонажа бурятских преданий – Бабжа батора, дается своеобразная интерпретация истории похода хори-бурят к Петру I. В подаче нашей информантки Ж. Сэбээн-Долгор получается, что буряты не имели собственных земель в тот период, когда они, в том числе Бабжа батор, жили на территории острова Ольхон, вокруг горы Бархан и в Аге. И вот как звучит ее рассказ: *Тиixэдэ нютаггүй байхадаа, Бабжа юу хөөн энэ Ойхон, Бархан, Ага юу хээгээр байһан юм бэ даа. Тиixэдэ лэ заха үзүүрэй элдэбын юумэн лэ дээрмэдхэ, сохихо, нанишаха, алаха, хюдаха, одоо бидэ нютаггүй яаха зон гээшэбибди гэжэ Хори нютагта ехэ зүблөөн болоо гэнэ* 'Когда не имели собственных земель, Бабжа и другие жили на Ольхоне, Бархане, в Аге. Тогда всякий [каждый, кому не лень], с любого края грабил, избивал, колотил, убивал, уничтожал, и в Хори состоялось большое совещание', на котором обсуждалась их дальнейшая судьба [Цыбикова, 2016, с. 9].

В результате переговоров, совещаний хори-буряты решили отправиться к Петру I просить земельные наделы: *наһатай зонин хөөрэлдэһөөр байтараа, юуни һаа бидэ анхан эндэ ерэхэн хадаа, ород хаанһаа нютаг эрхэдэ яадаг юм гэжэ. Тиигээд гурбан зуун морьтой хүни гаргажа, гуйһан гэнэ. Тиигээд Байгал далайһаа урагша газараа үгэхэн гэнэ, энэ байгша газар* 'пожилые из них [решили], раз уж мы однажды прибыли сюда, что случится, если мы попросим земли у русского хана. И триста с лишним человек на лошадях отправились к Белому хану. Тогда южнее Байкала он выделил земли, говорят, эти нынешние земли' [Цыбикова, 2016, с. 9]. Так исторический факт поездки делегации одиннадцати родов хори-бурят к Петру I в 1702 г. показан сквозь призму народного восприятия, своеобразно преломляясь в соответствии с законами фольклорного сознания: имевшее место в реальности важнейшее для бурят событие связывается с именем национального богатыря Бабжа батора, что не соответствует действительности.

Зафиксированная в период экспедиционных работ в Хулун-Буире история о Лхамо примечательна тем, что она имеет параллели с тибетским вариантом этой легенды. Культ богини Лхамо «распространен во всех школах тибетского буддизма», ее основное «функциональное назначение ... в числе многих персонажей мифов и традиционных культов Тибета и Центральной Азии» - состоит в том, чтобы защищать веру и учение в традиции Гелукпа [Сыртыпова, 2003, с. 44]. Потому Лхамо традиционно почитается бурятами очень высоко.

В легенде, записанной от Жамбалай Даримы, повествуется о богине, которая родилась в бедной семье (сказительница убеждена, что хорошие люди с божественными функциями рождаются у неимущих, бедных людей), и которую шолмос насильно сделал своей женой, от него родился ребенок, потенциально представлявший угрозу роду человеческому. И эта женщина умертвила своего ребенка,

тем самым предотвратив угрозу; и хотя этот поступок противоречит буддийским десяти заповедям благих деяний, он оправдан высоким предназначением богини Лхамо. По тибетской легенде, первоначально она была красивой девушкой, которая вступила в сексуальную связь с демоном, чтобы умиротворить его. Впоследствии выяснилось, что она забеременела. Монах сообщил ей, что она имеет во чреве страшного демона, тогда она из милосердия к людям убила своего сына [Сыртыпова, 2003, с. 44–54]. Итак, в отличие от исходного тибетского варианта, в бурятском изложении богиня переродилась в обличье женщины, чтобы исполнить свое предназначение – защитить людей от уничтожения.

В Хулун-Буирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия зафиксированы устные повествования, связанные с особенностями переселения и обживания новых территорий. Среди них широко бытуют топонимические предания, связанные с ойконимом Шэнэхэн, куда переехали первые выходцы из бурятских земель. В то же время, обжившись в новых местах, буряты Внутренней Монголии почитают культовые объекты на территории нынешнего проживания, таковыми являются горы *Баян Хаан* ‘Баян Хан’, *Баян Хушуу* ‘Баян Хушу’, Шивэй, Эрдэни, *Хаан уула* ‘Хан’. Как свидетельствует экспедиционный материал, сложено немало преданий об этих оронимах, кроме того, существует много записей о лечебных свойствах местного родника *Ооны* ‘Оны’.

Наибольший интерес представляет мифологическая основа повествования о горе Хан (*Хаан уула*), которое ярко иллюстрирует архаическое представление древних людей о существовании хозяев местности. По рассказу Ж. Сэбээн-Долгор, один мудрый лама был наделен, говоря современной терминологией, экстрасенсорными способностями ясновидения. Этот его магический дар позволил ему узнать, что хозяин горы Хан решил сопровождать своих подданных в исторически тяжелый и опасный период их жизни. Это было связано с реальными событиями, когда в 1945 г., в период военных действий советских войск по освобождению Маньчжурии от японских оккупантов, буряты вынуждены были покинуть обжитые места и скитаться в районе Шилин гола (одна из административных единиц Внутренней Монголии КНР). Когда люди в панике покинули родные кочевья, хозяин горы Хан, пожалев свой народ, отправился вместе со своими поданными в неизвестные края. Но духи-хозяева новых мест обошлись с ним, как сказал тот мудрый лама с неординарными способностями, плохо, проявили высокомерие, и он (хозяин горы) вынужден был вернуться, «поджав хвост». Буддийский священнослужитель из этого сделал вывод, что здесь бурятам не место, и на самом деле, подчеркивает Сэбээн-Долгор, в 1947 г. они стали возвращаться обратно.

В культурной памяти бурят Внутренней Монголии актуальны, как показали экспедиционные записи, представления об общих истоках родословной бурятских родов: эхиритов, булагатов, хори. Так, ими до сих пор почитаются горы Алханай, Бархан, остров Ольхон, по предсказанию ламы делаются им подношения. Подобная законсервировавшаяся традиционная форма социокультурного бытия вполне коррелируется с утверждением исследователя дореволюционной бурятской литературы Б.Д. Баяртуева о том, что «бурятские и монгольские роды поклонялись единым тэнгри и считали центром общепурятмонгольского мира остров Ольхон» [Буряты, 2004, с. 507].

Таким образом, несмотря на долгие годы изоляции, «специфические условия жизни в пределах обособленной общности» [Бороноева, 2000, с. 18], буряты Внутренней Монголии не утратили материнскую связь со своими истоками, сохранили и передавали новым поколениям предания, легенды, устные рассказы своих предков, устоявшиеся сюжеты традиционного фольклора. Память о родине прародителей, рода, откуда берет начало родословная шэнэхэнцев, бережно сохраняется ими и по сей день.

В ходе встреч, бесед с шэнэхэнскими бурятами осуществлялись также записи их воспоминаний. Тематика устных рассказов исторического характера охватывает повествования об Октябрьской революции и Гражданской войне в России, установлении Советской власти и переселении бурят и хамниганов во Внутреннюю Монголию, японской оккупации Маньчжурии, русско-японской войне и участии в ней китайских бурят, о жизни бурят в период «культурной революции» в КНР и т.д.

Ценностными доминантами в легендах и преданиях бурят Внутренней Монголии являются связь с исторической родиной, родоплеменная принадлежность. С другой стороны, обжившись в новых условиях, буряты создавали новые произведения местного происхождения, в основном топонимические предания. Особенности легенд и преданий шэнэхэнских бурят также составляют, во-первых, ярко проявляющаяся буддийская составляющая, во-вторых, мифологическая основа, отображающая народную картину мира. Характерным аспектом устных повествований шэнэхэнцев является весьма болезненная для них тема изолированности от основного массива этноса в инонациональной среде. Записанные в Хулун-Бууре произведения несказочной прозы отражают традиционное мировоззрение, являются хранилищем истории и ментальности народа, представляют основу передачи образов национальной картины мира, выявляют наибольшую сохранность традиционных форм бурятского фольклора.

Список литературы

- Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора, СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004.
- Базаров Б. В.* Генерал-лейтенант Манчжоу-Го Уржин Гармаев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.
- Бороноева Д. Ц.* Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2000.
- Бороноева Д. Ц.* Миграция и сакрализация нового жизненного пространства в традиционной культуре: опыт бурят Внутренней Монголии КНР // Вестник БГУ. 2011. № 6. С. 258–262.
- Буряты* / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. 633 с.
- Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 томах* / Гл. ред. С. А. Токарев. М: Сов. энцикл., 1980. Т. 1: А–К. 672 с., ил.
- Санжаа-Ешын С.* Шэнэхээн соёлой ундарал (= Неиссякаемый источник культуры шэнэхэнцев). Улан-Удэ: НоваПринт, 2013.
- Сыртынова С.-Х. Д.* Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме (миф, ритуал, письменные источники). М.: Вост. лит., 2003.
- Цыбикова Б.-Х. Б.* Фольклор шэнэхэнских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016.

B.-Kh. B. Tsybikova

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation; imbt@ imbt.ru*

Features of the existence of legends and stories of Buryats of Inner Mongolia

The introductory part of the article provides general information on the Buryats compactly residing in the Hulun Buir Aimag of Autonomous Region Inner Mongolia of the People's Republic of China, a general description of the folklore material recorded from the Shenekhen (Chinese) Buryats, the representative volume of material consists of legends, historical stories, oral tales. On the basis of the analysis of field records about non-fairytale prose the author aimed to show the preservation of the maternal tradition and the live existence of traditional Buryat folklore in a foreign environment. For the oral prose of the Shenekhen Buryats, the predominance of legends and stories is typical, in which a living memory, in the first place, of the common-Mongolian, common-Buryat history is preserved. These are cycles of narratives about national heroes — the best leaders of the clan, bators, prominent figures from the masses; the motives of the Mountains Alkhanay and Barkhan, Olkhon Island revered by all ethnic groups of the Buryats are popular. The main conclusion of the author is that despite many years of isolation, the Buryats of Inner Mongolia have not lost their maternal connection with their origins, preserved and transmitted to the new generations the well-established plots of traditional folklore. At the same time, the interrupted communication with the homeland is manifested in the processing of individual plots, for example, in the legend of Balzhan Khatan, an uncharacteristic motive for the disintegration of the Buryat community is inserted, when the deep sense of bitterness that is experienced by those who by the will of fate found themselves in isolation, beyond the limits of native nomadism, is clearly manifested.

In addition, in the non-fairytale prose of the Chinese Buryats motives and plots that originated in new places of residence, associated with the peculiarities of resettlement and development, are revealed.

Thus, the connection with the historical homeland, tribal affiliation are the value dominants in the not fabulous prose of the Buryats in Inner Mongolia. On the other hand, having settled in new conditions, they created oral works of local origin, mostly toponymic legends. A characteristic aspect of the oral narrations of the Shenekhens is the very painful topic of isolation from the main body of ethnos in a non-national environment. Works of non-fairytale prose recorded in Hulun-Buir basically reflect the traditional worldview and are the repository of the history and mentality of the people, they represent the basis for the transmission of images of the national worldview.

Keywords: legends, stories, oral tales, Buryats of Inner Mongolia of China, tradition, plotlines, existence features.

References

- Adon'eva S. B. *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of folklore]. Sankt-Petersburg, 2004, 312 p.
- Bazarov B. V. *General-leytenant Manch'zhou-Go Urzhin Garmaev* [Lieutenant general Manchukuo Urzhin Garmaev]. Ulan-Ude, 2001, 41 p.

Boronoeva D. Ts. *Dinamika prostranstvenno-vremennoy lokalizatsii buryat Vnutrenney Mongolii KNR [Dynamics of the spatiotemporal localization of the Buryats in of Inner Mongolia PRC]*. Abstract of Hist. Cand. Dis. Ulan-Ude, 2000.

Boronoeva D.Ts. Migratsiya i sakralizatsiya novogo zhiznennogo prostranstva v traditsionnoy kul'ture: opyt buryat Vnutrenney Mongolii KNR [Migration and sacralization of a new living space in traditional culture: the experience of the Buryats of Inner Mongolia PRC]. *Vestnik BGU [Bulletin of BSU]*, 2011, no 6, pp. 258–262.

Buryaty [Buryats]. Moscow, 2004, 633 p.

Mify narodov mira. Entsiklopediya [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. M., 1980, vol. 1: A–K, 672 p.

Sanzhaa-Eshyn S. *Shenekheen soeloy undaral (Neissyakaemyy istochnik kul'tury shenekhentsev) [Inexhaustible source of the Shenekhen's culture]*. Ulan-Ude, 2013, 176 p.

Syrtypova S.-Kh. D. *Kul't bogini-khranitel'nitsy Baldan Lkhamo v tibetskom buddizme (mif, ritual, pis'mennye istochniki) [The cult of the goddess-keeper Baldan Lhamo in Tibetan Buddhism (myth, ritual, written sources)]*. Moscow, 2003, 238 p.

Tsybikova B.-Kh. B. *Fol'klor shenekhenskikh buryat [Folk culture of the Shenekhen Buryats]*. Ulan-Ude, 2016, 312 p.